
ГОРОД,
ГДЕ НЕ ВСТАЁТ
СОЛНЦЕ
мистический триллер

Элиас Грей

Город, где не встаёт солнце

«Автор»
2026

Грей Э.

Город, где не встаёт солнце / Э. Грей — «Автор», 2026

В Нови не мёрзнут. Даже когда за окном минус сорок.Январь 1987 года. Следователь Вера приезжает в затерянный среди северных снегов посёлок расследовать смерть молодой студентки. Девушку нашли у клуба — в одном платье, с берестяной маской на лице. Незадолго до смерти она позвонила матери и сказала: «Мам, тут тепло».В Нови действительно тепло. Здесь никто не болеет, столы ломятся от еды, а чужаков встречают как родных. Только почему-то жители боятся смотреть в глаза ряженым, которые бродят по улицам в святочные ночи. И никто не хочет объяснять, почему их нельзя считать.Среди вещей погибшей Вера находит карточку из архива собственной матери. На ней всего одно слово: «Восьмой». Теперь ей предстоит узнать, что скрывается за безупречным уютом Нови. И почему иногда самое страшное — не замёрзнуть насмерть, а согреться.

© Грей Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Тёплый посёлок 6
Глава 1 6
Глава 2 13
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Элиас Грей
Город, где не встаёт солнце

Город, где не встаёт солнце

Часть 1. Тёплый посёлок

Глава 1

— Новь через два часа! Сдаём бельё!

Голос проводницы прошёл по вагону, как сквозняк, и Вера проснулась.

Вагон просыпался вместе с ней. Шуршали простыни, скрипели полки, кто-то, кряхтя, спускался сверху и шарил ногой, ища опору. Щёлкали замки чемоданов. В проходе уже стояла очередь в туалет — молчаливая, терпеливая, с полотенцами на плечах.

Вера села и отодвинула занавеску.

За окном мело. Метель шла за поездом весь последний день, скреблась в стекло, забивала снегом рамы, и смотреть в неё было как смотреть в молоко.

Она достала из портфеля папку, которую за дорогу выучила почти наизусть.

Тоня Лузгина, студентка-филолог. Приехала на практику — собирать северные обряды. Её нашли утром у клуба «Горняк» — в одном платье, с берестяной маской на лице. Местный врач написал одно слово: переохлаждение.

А накануне вечером Тоня позвонила матери в Ленинград и сказала: «Мам, тут тепло».

Мать сначала запомнила это как хорошую новость.

— Бельё, девушка.

Над ней стояла проводница — немолодая, полная, с гладким спокойным лицом. Вера сняла наволочку, свернула простыни, и проводница забрала их, а взамен поставила на столик стакан чая в подстаканнике и вазочку с вареньем.

— Я не заказывала.

— А вы пейте. С дороги надо. Морошка своя, не магазинная.

Потом протянула руку за пропуском — без него в Новь не пускали. Сложила его вдвое, не взглянув, и убрала в карман.

— Тоню жалко, — сказала она. — Хорошо плясала.

И пошла дальше по вагону собирать бельё.

— Подождите. — Вера поднялась. — Вы её знали?

— Её все знали, — ответила проводница через плечо, не останавливаясь.

— А откуда вы знаете, что я…

Но проводница уже скрылась в соседнем отсеке, и оттуда донеслось её ровное: «Бельё сдаём, товарищи».

Вера осталась стоять в проходе. Она никому в поезде не говорила, куда и зачем едет. Ладно, решила она. До Нови два часа, договорим.

Умываться она пошла уже в другом настроении — внимательнее. Вагон был заполнен на треть, и все ехали до конца. Люди оделись и сидели по нижним полкам с вещами на коленях — тихо, прямо, как в приёмной у врача. Никто не ворчал, не торопился, не толкался в проходе. Лица у всех были сытые и спокойные.

Как у людей, которые знают, что их встретят.

Когда Вера возвращалась, в проходе стояла девочка лет шести в бумажной маске козы с нарисованными рогами. Девочка шла вдоль полок и шёпотом считала пассажиров, тыкая в каждого пальцем:

— …пять. Шесть. Семь.

Она остановилась перед Верой, подняла маску на лоб и посмотрела снизу вверх — внимательно, без улыбки.

— Восемь.

— Маша! — Женщина с нижней полки поймала её за руку и рывком усадила рядом. — Не считай людей. Сколько раз говорить.

И отвернулась к окну, крепко прижав девочку к себе.

Вера вернулась на своё место и отпила чай. Он успел остыть, и сахару в нём было больше, чем чая: ложка, кажется, стояла бы.

Из портфеля, из-под папки, она вытащила то, что взяла с собой, никому не сказав: мамину карточку, жёлтую, картонную, с обтрёпанными углами. Мама всю жизнь записывала на таких старые обычаи и поверья. Мамин почерк, круглый, ещё студенческий. Одно слово в верхней строке, подчёркнутое дважды, — *НОВЬ*. И ниже, другими чернилами, торопливо, как пишут уже не для работы:

Не возвращаться.

Мама никогда не говорила, что бывала на Севере.

Проводницу Вера до самого прибытия так и не застала. Дважды подходила к служебному купе — дверь была заперта.

Метель кончилась у самой Нови — разом, будто довела поезд и отпустила.

Поезд пришёл в полдень, а темно было, как ночью. Проводница открыла дверь в мороз и придержала её, пропуская Веру первой.

Вера остановилась на ступеньке, чтобы наконец спросить про Тоню, но проводница её опередила:

— С возвращением.

— Я здесь первый раз.

Проводница улыбнулась — ласково, как улыбаются ребёнку, который сказал глупость.

— Ну, значит, с приездом.

* * *

На перроне было светло почти как днём.

Фонарей вдоль платформы было так много, что снег под ними казался белым, а не синим, и Вера, спустившись со ступенек, на секунду зажмурилась. После двух суток в полутёмном вагоне этот свет резал глаза.

Пассажиры расходились без суеты. Их встречали: обнимали, забирали чемоданы, кто-то совал детям пакет с пряниками. Женщину с девочкой в маске козы увёл под руку высокий старик, и девочка ни разу не оглянулась.

Веру тоже встречали.

— Вера Сергеевна? — От фонаря отделился плотный человек в белом полушубке, усатый, с термосом под мышкой. — Капитан Бугров, здешняя милиция. Нам из области телеграфировали, что вы едете. С приездом!

Он отвинтил крышку термоса и налил, не спрашивая.

— Пейте, голубушка. У нас с непривычки горло перехватывает.

Вера взяла крышку — просто чтобы освободить ему руки. Чай был горячий и тоже сладкий.

— Спасибо. Мне нужно в морг, — сказала она. — И протоколы осмотра. И место, где нашли Лузгину.

— Всё будет, — кивнул Бугров так охотно, что Вера сразу поняла: не сегодня. — Зотов, доктор наш, до утра на вызове, морг без него не откроют. Протоколы у меня в сейфе, никуда не убегут. А с дороги у нас за работу не садятся. Не принято.

— Я не в санаторий приехала, капитан.

— Так и у нас не санаторий, — засмеялся он, легко, без обиды. — Север. Тут сначала человека отогреть надо, а потом уже спрашивать.

Вера хотела возразить и вспомнила про пропуск.

— Проводница забрала мой пропуск. И не вернула.

Бугров замолчал и переложил термос из-под одной руки под другую.

— Ну, раз забрала, значит, так положено, — сказал он. — Завтра в отделении выпишем временный. Пойдёмте, машина остынет.

Машина не остыла. В уазике было жарко, пахло бензином и хвоей: на зеркале болталась еловая лапка с серебряным дождиком.

Новь оказалась совсем не такой, какой Вера её себе представляла. Она ждала бараков, угольной пыли, чёрного снега — как в кино про шахтёров. Посёлок и правда оказался маленьким: одна главная улица, клуб, магазин, ряды двухэтажных домов и над крышами — копёр шахты с горящей звездой. Но выглядел он как на новогодней открытке. Ни одного тёмного окна. Ёлка у клуба вся в огнях, хотя Новый год давно прошёл. Дети катались с ледяной горки — в темноте, посреди дня, некоторые без шапок — и смеялись так громко, что было слышно сквозь стекло. В витрине магазина стояла пирамида мандаринов.

— К празднику завезли? — спросила Вера.

— Почему к празднику, — удивился Бугров. — Всегда так. Снабжение хорошее. Посёлок у нас образцовый, третий год переходящее знамя держим.

Про знамя он сказал отдельно и со вкусом, по слогам: пе-ре-ходящее.

— Вы сами здешний?

— Всю жизнь тут. — Он крутанул руль, объезжая сугроб. — Сына вот вырастил. Димка у жены в Ленинграде родился, там и рос. Сердце слабое, порок. Врачи сказали — до школы не дотянет. Привёз его сюда — как рукой сняло. Теперь в хоккей играет, здоровый лось.

Он сказал это с такой нежностью, что Вере стало неловко, словно она подсмотрела чужое.

Уазик остановился у трёхэтажного здания с колоннами и вывеской «Заполярье».

— Шапку наденьте, — сказал Бугров, заглушив мотор. — До двери два шага, а всё равно — Север.

Вера посмотрела на шапку у себя в руках. Она сняла её ещё на перроне и не заметила когда.

— Мне не холодно.

— Ну и хорошо, — сказал Бугров. — Ну и правильно.

В холле пахло пирогами и натёртым паркетом. За стойкой сидела полная женщина в очках и вязала что-то длинное, пушистое, белое.

— Светлана Петровна, принимайте, — сказал Бугров. — Из Ленинграда, к нам по делу.

Дежурная подняла глаза — и спицы в её руках остановились. Она смотрела на Веру так, как смотрят на человека, которого давно не видели и не сразу узнали.

Потом улыбнулась и, не глядя, сняла ключ с доски. Журнал так и остался закрытым, про паспорт она не вспомнила.

— Сорок седьмой, Верочка, — сказала она. — Ваш.

— Мой? — переспросила Вера. — Я ничего не бронировала.

— А он тёплый, — сказала Светлана Петровна. — Самый тёплый у нас. Третий этаж, направо.

Вера взяла ключ. Деревянная груша-брелок была тёплой, будто её долго держали в руке.

Номер оказался маленьким и очень чистым. Кровать с горкой подушек под кружевной накидкой, стол, графин, на окне тюль. Батарея под подоконником была горячей до боли. Вера отдёрнула тюль. Окно смотрело на тундру: за последними домами начиналась темнота, ровная, без единого огонька. Ни балкона, ни карниза, ни пожарной лестницы — гладкая стена и три этажа вниз.

* * *

К вечеру есть захотелось сильно, до кислой слюны. Последний раз Вера ела вчера в поезде: яйцо вкрутую и полбулки, которая к вечеру стала каменной.

Внизу Светлана Петровна вязала всё ту же белую длинную вещь.

— Буфет у нас закрыт, Верочка, — сказала она, не поднимая глаз от спиц. — Вы к Шуре ступайте, в столовую. Напротив, где крыльцо с лампочкой. До девяти кормит. Скажете, что от меня.

— А ключ?

— Ключик оставьте. Куда он денется.

Шапку Вера забыла в номере и вспомнила о ней только на крыльце столовой, когда уже взялась за ручку. Возвращаться не стала. Дверь была тугая, на пружине, и ударила её в спину.

Внутри стоял пар. Пахло щами, жареным луком и хлоркой от мокрого пола; на батарее у входа сохли чьи-то рукавицы. Длинные столы под клеёнкой, на каждом горчица в баночке и хлеб горой, бери сколько хочешь. Радио на стене пело про миллион алых роз, и никто его не слушал.

Народу было много, почти одни мужчины. Смена, видно, только поднялась: волосы мокрые после душа, рубашки расстёгнуты, рукава закатаны. И у всех одинаково тёмные глаза — по краю век, у самых ресниц, чёрная кайма. Угольную пыль не берёт никакое мыло. Издали это было похоже на то, как красятся девушки на танцы, и Вера чуть не засмеялась.

Она взяла поднос и встала в очередь.

На раздаче стояла женщина, которую было видно от двери: огромная, в белом колпаке, руки в муке до локтей, хотя пирожки давно лежали горкой на противне. Она глянула на Веру поверх голов и, когда очередь дошла, уже держала тарелку наготове.

— Ты, что ль, ленинградская? Давай поднос.

Ответа она ждать не стала.

На поднос встали щи со сметаной, тарелка пюре с двумя котлетами, два пирожка, компот.

— Мне только суп, — сказала Вера.

— Только суп ты дома будешь. — Тётя Шура добавила третий пирожок. — Ешь, деточка, ешь. На холоде без еды нельзя.

Вера полезла в карман за мелочью. Шура махнула на неё половником.

— Убери. С приезда не берём.

Компот наливала другая женщина, худая и быстрая, в косынке. Пока Вера её узнавала, та уже успела опустить глаза в стакан. Женщина из поезда. Та, что поймала девочку в маске козы и рывком усадила рядом. Из кармана её фартука торчала красная детская варежка, большим пальцем наружу.

— Мы с вами в одном вагоне ехали, — сказала Вера.

— Ехали, да. — Стакан встал на поднос, чуть плеснув через край. — Вы проходите, там люди.

Вера не двинулась.

— Дочка у вас…

— Она не со зла считала, — быстро сказала женщина, не поднимая глаз. — Маленькая ещё. Не знает.

— Я и не обиделась.

— Не надо, — сказала она непонятно к чему.

— Зой, — крикнули из-за Вериной спины, — мне двойную, я сегодня за двоих рубал!

И Зоя подняла голову и улыбнулась ему, обычно, по-соседски. Вера взяла поднос и пошла искать место.

Села она с краю, у окна. Щи были кислые, густые, с куском мяса — настоящим куском, на кости. Вера съела половину и только тогда поняла, что ест не глядя, жадно, как в детстве после катка.

Мама котлет не жарила. Мама вообще не готовила. Она ела стоя, над ящиком с карточками, хлеб с сыром, и сметала крошки с картона ребром ладони, чтобы не жирнить. Кухня на Петроградской пахла не едой, а клеем и пыльной бумагой. Карточки стояли везде: в библио-

течных ящиках, которые мама когда-то выпросила списанными, в коробках из-под обуви, на шкафу, на подоконнике. Приметы, заговоры от зубной боли, как хоронить утопленника, что кладут в гроб младенцу. В детстве Вера играла в них, как в лото. Мама не ругалась. Только просила класть на место, по алфавиту.

Весной мама умерла. Тихо, как всё делала: в больнице, ночью, не дождавшись обхода. Вера пришла утром с апельсинами — за ними пришлось отстоять час.

Апельсины потом долго лежали в прихожей в сетке, и никто их не ел.

За соседним столом громко спорили.

— …а к Савельеву вчера заходили. Медведь опять Колька был, я его по валенкам узнал.

— Никого ты не узнал.

— Да у него же подшитые, с заплаткой…

— Никого, говорю, ты не узнал.

Первый посмотрел на второго, хмыкнул и уткнулся в тарелку. Помолчали. Потом кто-то из них сказал, что сегодня, говорят, пойдут по Шахтёрской, и разговор поехал дальше — про печенье, которое надо купить детям для колядок, и про Галю из магазина, которая опять обвесила.

— Да какие ряженые, мужики! — раздалось с другого конца. — Это ж просто бабки скучают. Шубу наизнанку — и по пирогам!

Голос был южный, громкий, с хрипотцой. Вера обернулась.

За последним столом, у самой двери, сидел парень в ватнике, застёгнутом до горла, и в шапке. Длинный, нескладный, колени под столом не помещались, и он держал их боком, в проходе. Обеими руками он обнимал стакан с чаем — не пил, грел пальцы.

— Ешь, Кирюха, — сказал ему кто-то беззлобно. — Остынет.

Он закашлялся. Кашлял долго, в кулак, отвернувшись к стене, и все за его столом ждали, как ждут, когда пройдёт поезд.

Над раздачей висел плакат: шахтёр с отбойным молотком и красные буквы «Слава горнякам Нови!». Вера смотрела на него, пока не допила компот.

Слово, которое мама подчеркнула дважды, здесь писали на плакатах.

Карточку Вера нашла летом, когда разбирать было уже нечего. Пустой ящик выпросила соседка, на дачу, под лук, и Вера, прежде чем отдать, вытряхнула из него газету, которой мама выстилала дно. Под газетой лежала карточка, лицом вниз. *НОВЬ*, дважды подчёркнуто. И ниже: *Не возвращаться.*

Вера тогда перебрала всё, что осталось. Все ящики, все коробки со шкафа, мамины тетради, даже атлас. Больше Нови нигде не было. Как будто мама записала одно слово и потом всю жизнь его обходила.

А в январе пришла телефонограмма из области. Студентка, ленинградская, замёрзла; мать с утра обрывает телефоны, надо съездить и закрыть. Ехать на Север в январе никто не хотел. Начальник уже прикидывал вслух, кого не жалко, и прочёл название посёлка с запинкой, будто споткнулся о мягкий знак.

— Я поеду, — сказала Вера.

— Ты? Тебе-то зачем?

— Я её знала.

Это было почти правдой.

— Тебе правда не холодно? — спросили над ухом. — Вообще?

Вера вздрогнула. Парень в ватнике стоял возле её стола со стаканом и смотрел на неё сверху, с высоты своего роста, без улыбки.

— А должно?

— Мне два года должно, — сказал он. — Я тебя через окно видел. Идёшь без шапки, нараспашку, как в Сочи. Кирилл. — Он подумал и добавил: — Взрывник. Не бойся, я только на работе взрываю.

— Вера.

— Да знаю. Из Ленинграда, по Тоне. Тут все знают, ты не думай, я не шпион. — Он сел напротив, не спросив, и сразу встал снова, потому что тётя Шура появилась у стола с тряпкой. — Всё, всё, тёть Шур, ухожу.

Шура на него не глянула. Она смотрела в Верину тарелку. На тарелке лежал пирожок, третий, нетронутый.

— Я больше не могу, — сказала Вера. — Честное слово.

Шура ничего не ответила. Завернула пирожок в салфетку, потом, подумав, в газету и сунула Вере в карман пальто. Похлопала сверху, будто проверила, не выпадет ли.

— Ночью захочешь, — сказала она и пошла дальше вдоль стола, собирая тарелки.

Кирилл проводил её глазами.

— От неё не уйдёшь, — сказал он. — Я первую неделю тут по два ужина ел. Думал, лопну. — Он снова закашлялся, коротко, и натянул шапку ниже. — Ладно. Мне в общагу, там хоть одеяло ватное.

У двери он долго заматывал шарф, в два оборота, потом в третий. Обернулся.

— Ты тут как своя, — сказал он. — Странно.

Дверь хлопнула на пружине. По полу, по ногам прошёл клуб белого морозного пара и растаял у столов.

Никто не поднял головы. Мужчины у окна сидели в рубашках, у одного рубашка была мокрая на спине, и он не застегнулся. Зоя на раздаче стояла с закатанными рукавами, тётя Шура — в короткой кофте, с голыми локтями. Девочка лет десяти, которую привели за руку, сдёрнула с головы платок и бросила на скамейку.

Холодно здесь было одному Кириллу.

Южный, подумала Вера. Ростовский, наверное, по говору. Им тут, конечно, всё мороз.

Она застегнула пальто — по привычке, до верхней пуговицы — и вышла.

Светлана Петровна, не прерывая вязанья, сняла ключ с доски и протянула через стойку. Деревянная груша опять была тёплая.

В номере Вера вынула из кармана газетный свёрток. Пирожок был с капустой и ещё не остыл. Она положила его на подоконник, поближе к батарее.

* * *

Она разложила на столе папку.

Протокол осмотра, переписанный от руки чужим аккуратным почерком. Справка врача — одно слово. Фотография Тони, которую её мать принесла в прокуратуру: выпускной, круглое лицо, чёлка, улыбка до ушей.

Вера видела Тоню один раз, весной, когда разбирала мамины вещи. Тоня пришла помогать — мамина дипломница, болтливая, весёлая. Таскала коробки с карточками, ахала над каждой и спрашивала: «А можно я вот эти возьму почитать? Я верну». Вера сказала: берите. Ей было всё равно. Ей хотелось, чтобы квартира поскорее опустела.

Тоня не вернула.

Вера сидела над папкой, пока буквы не начали расплываться. Потом выключила свет и легла поверх накидки, не раздеваясь.

Стук был тихий и вежливый. Три раза — так стучат костяшкой пальца, когда не хотят разбудить.

Вера открыла глаза. Стучали не в дверь.

Стучали в окно.

Она лежала и слушала, как тикает батарея. Третий этаж. Ни балкона, ни карниза. Она сама проверяла.

Тук. Тук. Тук.

Вера встала. Пол был тёплый. Она подошла к окну и отвела тюль. Стекло было чёрным, и в черноте отражалась она сама: растрёпанная, в свитере, с лицом, белым от фонаря внизу.

Больше ничего.

Ветка, подумала Вера. И вспомнила, что в тундре нет деревьев.

Тук. Тук. Тук. Прямо напротив её лица.

И голос — глухой, через двойные рамы, будто из-под воды:

— Вера Сергеевна… Откройте. Тут так тепло.

Голос был Тонин. Весёлый, чуть запыхавшийся — такой, каким он был весной, когда Тоня спрашивала: «А можно я возьму? Я верну».

Рука Веры уже лежала на шпингалете форточки. Она не заметила, как её туда положила.

Она не открыла.

Она не смогла бы объяснить почему. Не было ни мысли, ни страха — только пальцы, которые вдруг перестали слушаться, как на сильном морозе. Шпингалет под ними был ледяной, хотя батарея внизу жгла колени. Вера стояла и смотрела на своё отражение, пока стук не прекратился.

Потом долго сидела на кровати, обхватив колени, и слушала тишину.

Утром она решила, что это был сон.

СПРАВКА

Из маминой картотеки. Карточка «РЯЖЕНЫЕ».

Новь. Святки 1957 г. Записано со слов Агафьи Т., спецпоселенки с 1934 г.

«Ходят с Рождества до Крещенья, семеро. Коза, медведь, журавль, дед, баба, конь да смерть. Шубы навыворот, личины берестяные, чтоб не признали. Поют, угощенья просят. Кто не подаст — тому худо, так в песне и поют.

Семеро ходят — то люди, наши.

А ежели в избу восьмой вошёл — не гони и в лицо не гляди. Угости. Он своё возьмёт и уйдёт.

А погонишь — останется».

Примеч.: восьмого информантка называет «гость». Кто ходит восьмым, сказать отказалась. Н. говорит, в прошлом году гость плясал с Лидой Г.

Глава 2

Утром пирожок на подоконнике был ещё тёплый. От батареи, конечно.

Вера съела его стоя, над раскрытой папкой, и смахнула крошки с протокола ребром ладони. Потом заметила, что сделала это маминым жестом, и закрыла папку.

Бугров ждал внизу. Сидел в холле на диванчике, полушубок нараспашку, и пил чай из своего термоса, а Светлана Петровна объясняла ему через стойку что-то про петли: тут убавить, тут прибавить, иначе горловина не сядет. Увидев Веру, он поднялся и обрадовался так, будто не надеялся её дождаться.

— Выспались, голубушка?

— Да.

— Вот. А я что говорил. У нас все высыпаются.

Отделение было через два дома, но Бугров всё равно повёз её на уазике. Одноэтажный дом под шифером, крыльцо с перилами, над дверью флаг, обвисший в безветрии. На крыльце кто-то посыпал песком и подмёл, а ступеньки ещё и обмёл веником до самых углов.

Внутри было натоплено до духоты и пахло мандаринами.

За столом у окна сидел молодой сержант, румяный, с оттопыренными ушами, и чистил мандарин большим пальцем, длинной лентой, стараясь не порвать. Корки он раскладывал на батарее рядком. При виде начальства вскочил, мандарин так и остался в кулаке.

— Котов, — сказал Бугров. — Сержант наш. Котов, чайник поставь.

— Здравия желаю! — Котов посмотрел на мандарин, потом на Веру и протянул ей. — Будете?

— Спасибо, нет.

Котов растерянно перевёл взгляд на Бугрова.

— Возьмите, голубушка, — сказал Бугров. — Он же от души.

Вера взяла. Мандарин был тёплый от руки и пах так, что захотелось Нового года, ёлки, маминого «не трогай, это к празднику».

— Мне нужен временный пропуск, — сказала она. — Вы вчера обещали.

— Оформляем.

— Бланков нет, товарищ капитан, — сказал Котов. — Вы ж сами говорили, из области…

— Оформляем, говорю, — повторил Бугров, не повышая голоса, и Котов ушёл к чайнику.

Сейф стоял в углу, зелёный, крашенный поверх ржавчины. Бугров открыл его ключом, который носил на шнурке, как крестик. Внутри Вера успела увидеть бутылку коньяка, коробку с орденскими колодками и тонкую серую папку. Одну.

— Вот. Всё, что есть.

Протокол был тот же. Слово в слово, вплоть до запятой, которая стояла не там. И тот же аккуратный почерк, с завитком на «д».

— Это вы писали? — спросила Вера у Котова.

— Я, — сказал Котов с гордостью. — И в область переписывал, я. У меня почерк. В школе за почерк грамоту давали.

Полстраницы. Вера всё-таки надеялась, что в области переписали не всё.

«…гр. Лузгина А., приезжая, обнаружена утром жителями посёлка у задней стены клуба „Горняк“ в положении сидя. Одета в платье. Пальто, кофта шерстяная, платок и валенки сложены на скамье у заднего крыльца. На лице маска из бересты. Следов борьбы и повреждений не обнаружено…»

Ниже — три подписи. Бугров, Котов, Зотов. Всё седьмым числом.

— Жителями — это кем? — спросила Вера.

— Так Савельев нашёл, — сказал Котов из угла, где шипел чайник. — Бригадир. Он со смены шёл…

Бугров посмотрел на него. Не строго, просто посмотрел.

— Не, — поправился Котов. — Савельев потом подошёл. Сначала Шура, она к шести на кухню идёт, мимо клуба. Или нет. Шура в тот день выходная была, у неё внук. — Он подумал. — Митрич нашёл. Сторож клубный.

— Так Шура или Митрич?

Котов взглянул на капитана. Капитан смотрел в окно.

— Митрич, — сказал Котов.

— Митрич, Митрич, — подтвердил Бугров. — Котов, ты мандарин свой ешь.

— Я Вере Сергеевне отдал.

— Ну так другой возьми.

Вера записала в блокнот: *Митрич?*— и подумала, не поставить ли два вопроса. Поставила один.

— Фотографии места есть?

— Плёнки не было, — сказал Котов. — С осени заказали.

— Схема?

Котов снова посмотрел на Бугрова, но тот уже разливал чай по стаканам и отвечать не собирался.

— А что там рисовать, голубушка, — сказал он наконец. — Стена, скамейка, снег. Сами увидите. Я вас свожу.

— А маска где? Тут написано: на лице.

— У доктора. При ней. Всё при ней, голубушка, ничего не пропало.

Он сказал это тем голосом, каким успокаивают в трамвае человека, который хватился кошелька. Вера хотела спросить, почему маска при теле, а не здесь, в сейфе, и не спросила. Сейф был и так набит.

Он поставил перед ней стакан в подстаканнике и сахарницу. Сахар Вера класть не стала. Бугров положил ей сам, две ложки, и размешал, звеня, а потом вынул из серой папки ещё один лист.

Этот был напечатан на машинке. Чисто, без помарок, через одинарный интервал. Вера прочла до слов «несчастный случай», и дальше читать не стала, а сразу посмотрела вниз. Внизу стояли две буквы — *В. С.*— и пустая черта для подписи.

— Котов напечатал, — сказал Бугров. — Чтоб вам не возиться.

— Восьмого печатал, — с готовностью добавил Котов. — Ещё до вас. Товарищ капитан велел, чтоб вам с дороги…

— Котов.

— Есть.

Вера отодвинула лист и отпила. Чай был как в поезде: две ложки сахара на стакан, и ещё с горкой.

— Вы мне его восьмого напечатали, — сказала она. — А я приехала девятого. Вы что, знали, что я подпишу?

— Ну что вы сразу. — Бугров и тут не обиделся. Сел напротив, тяжело, со вздохом, и положил свои большие руки на стол, по обе стороны от листа, будто придерживал его, чтобы не сдуло. — Вы послушайте, Вера Сергеевна. Девочка замёрзла. Приезжая, к нашим морозам непривычная. Выпила, может, с ребятами в клубе, разгорячилась, вышла продышаться. Бывает. Мы тут каждую зиму народ учим: не выходи распаренный. Учим-учим…

— Она не пила.

— Вы откуда знаете?

Вера не знала. Она видела Тоню один раз, и Тоня тогда пила чай.

— Мать её там с ума сходит, — сказал Бугров тише. — Каждый день в область звонит, в область — нам. Я с ней сам говорил. Ей девочку надо домой. По-людски похоронить, а не по моргам держать, пока следователи пишут. Вы подпишете — поезд будет, отправим вместе с ней. И сами к Крещению дома. — Он помолчал. — По-человечески надо, Вера Сергеевна. По-человечески закрыть.

Котов у окна перестал жевать.

— Я ещё тело не видела, — сказала Вера.

— Так поедем, покажу. Зотов с утра на месте.

— Вчера он был на вызове.

— Был, — согласился Бугров. — А сегодня на месте.

Он не спорил. Он вообще ни разу с ней не поспорил — со вчерашнего перрона, с термоса. Соглашался, кивал, наливал чай, клал сахар, и всё выходило по его. Лист с её буквами так и лежал между его ладонями.

Вера взяла его и сложила вдвое.

— Я посмотрю, — сказала она и убрала лист в свою папку, к протоколу. — Потом.

— Ну и правильно, — сказал Бугров. — Посмотрите. Не к спеху.

Он встал, снял с вешалки её пальто и подержал, раскрыв. Вера помедлила и всё-таки сунула руки в рукава. Пальто было тёплое, хотя висело у двери.

Она огляделась. Сейф с коньяком. Корки на батарее. Календарь на стене, за этот год, с видом на Неву, и на нём ни одной пометки, ни одного обведённого числа. Всё уже случилось и было подписано, а её позвали поставить две буквы под чужой работой.

Ладно, подумала Вера. Значит, сама.

Мандарин она так и не съела. Он лежал в кармане и грел бок через подкладку.

Уже на крыльце её догнал Котов, без шапки, с листком в руке.

— Вера Сергеевна! А пропуск вам по какое число писать?

Бугров обернулся от уазика.

— Оформляем, Котов, — сказал он. — Иди, простынешь.

Котов засмеялся, как над хорошей шуткой, и ушёл в тепло.

* * *

Больница стояла на краю посёлка, двухэтажная, жёлтая, со всеми горящими окнами.

Бугров довёз Веру до крыльца и из машины выходить не стал.

— Я тут покурю, — сказал он. — Я эти дела не люблю, голубушка. Вы с Зотовым сами. Он у нас человек учёный.

В коридоре никого не было. Линолеум вымыт до блеска, на подоконниках фикусы, в палатах, двери которых стояли настежь, кровати заправлены одинаково: подушка углом вверх, одеяло конвертом. Ни одного больного. На посту лежало вязанье и стоял недопитый чай, а медсестры не было.

Зотов вышел к ней сам, откуда-то снизу, по лестнице, держась за перила. Худой, длинный, в халате поверх свитера. Одно стекло в очках треснуло наискось, и левый глаз за ним казался разрезанным пополам. От доктора пахло одеколоном и, сильнее, спиртом.

— Следователь, — сказал он. Не спросил.

— Здравствуйте. Мне сказали, вы вчера были на вызове.

— На вызове. — Зотов хмыкнул. — Какой тут вызов. Сюда вызывать некому. — Он обвёл рукой пустой коридор, фикусы, заправленные кровати. — Видели? Здесь не болеют, следователь. Здесь только замерзают. Пойдёмте.

Он повёл её вниз.

Внизу было холодно. Вера поняла это не сразу, а когда увидела, что дышит паром. Первый раз под крышей с тех пор, как сошла с поезда.

— Единственное место в Нови, где холодно, — сказал Зотов, не оборачиваясь. — Я сам слежу. Батарею перекрыл, окно на улицу открыл. Завхоз ругается, что я тепло трачу. — Он коротко засмеялся. — Тепло я трачу.

Тоня лежала не здесь. Зотов провёл Веру через холодную комнату в соседнюю, маленькую, с кафелем до потолка и одной лампой над столом. Там было тепло, гудела батарея.

— Я её с утра поднял, — сказал он. — Чтоб отошла. Мороженую не посмотришь, не согнёшь. Вам же посмотреть надо.

На стуле у стены стояла бутылка, наполовину пустая, и мензурка. Зотов налил в мензурку, примерился и посмотрел на Веру поверх треснувшего стекла.

— Налить? Нет? Правильно. — Выпил. — Тут лучше не отказываться. Но вы правильно.

Он откинул простыню до плеч.

Вера знала, что увидит. Она видела мёртвых: утопленников весной, когда с Невы сходил лёд, старух, которых соседи находили через неделю. Это была работа.

Тоня улыбалась.

Не так, как улыбаются мёртвые, когда отходит челюсть и лицо съезжает. По-настоящему. Губы сомкнуты, уголки подняты, на щеках ямочки. Глаза закрыты, ресницы в каплях, будто она зажмурилась от удовольствия. Чёлка подсохла и встала над лбом смешным козырьком. Так улыбаются после бани, когда напарились и сидят в предбаннике, красные, и ничего больше не хотят.

Та же круглая физиономия, что на выпускной фотографии. Только щёки не розовые.

— Это от холода, — сказал Зотов. — Мышцы лица. Сокращаются. Они все так.

— Все — это кто?

Зотов взял мензурку, посмотрел в неё, поставил.

— Замёрзшие, — сказал он. — Вообще. В литературе описано.

Вера не стала спорить. Она смотрела на Тонины руки. Левая лежала вдоль тела, ладонью вверх, пальцы чуть согнуты. Правая была прижата к груди и сжата в кулак. Крепко, так, что костяшки торчали белыми бугорками.

— Одежду привезли? — спросила она.

— Вон.

На втором стуле, у двери, лежал Тонин узел. Вера подошла. Пальто, сложенное пополам, подкладкой внутрь. На нём кофта, рукава убраны назад, как складывают в магазине на прилавке. Платок квадратиком. Валенки стояли рядом, носками к стене, а в каждом валенке аккуратно лежал свёрнутый шерстяной носок.

— Так и нашли?

— Так и нашли. На скамейке.

Тоня таскала весной мамины коробки, ставила их одна на другую криво, и верхняя всё время съезжала. Карточки сыпались на пол, она ахала, садилась на корточки, собирала в горсть, вперемешку, без алфавита. Сахар в чай сыпала мимо стакана. Вера тогда ходила за ней с веником.

— Она не была аккуратной, — сказала Вера.

— Мёртвые все аккуратные.

— Это одежда, доктор. Её складывали, когда она была живая.

Зотов вздохнул, снял очки, протёр треснувшее стекло полой халата и надел обратно. Стекло от этого не срослось.

— Слушайте, следователь. Вы в Ленинграде замёрзших видели? Видели. Пьяный в сугробе, бродяга на теплотрассе. А теперь представьте, что человек долго мёрзнет и никак не замёрзнет. Сначала трясёт. Потом трясти перестаёт, это плохо. Сосуды сжимаются, держат тепло внутри, держат, держат, а потом устают и разом разжимаются. И вся кровь, какая есть, бросается к коже. Человеку жарко. По-настоящему жарко, как в парилке. И он раздевается.

— Зотов пошевелил пальцами, будто расстёгивал пуговицу. — На морозе. Снимает шапку, пальто, валенки. Иногда забивается куда-нибудь: под лавку, в угол, к стенке. Наши потом находят голого и думают: ограбили, раздели. Убили. А он сам. Это называется парадоксальное раздевание, можете записать.

Вера записала. Слово было длинное, и она его сократила.

Тепло, подумала она. Мам, тут тепло. Всё сходилось. Платье. Валенки. Стенка клуба, к которой она привалилась. Даже улыбка, если про мышцы правда. Можно было вернуться к Бугрову, сказать: да, переохлаждение, бывает, — и через три дня сидеть в своём кабинете в Ленинграде, с батареей, которая греет вполсилы, и с соседкой по кабинету, которая всё время что-то жуёт.

Почти всё сходилось.

— А носки? — сказала Вера. — Ей жарко, она не в себе, срывает с себя всё. И складывает рукава внутрь?

Зотов не ответил. Налил ещё и выпил, не предлагая.

— Вскрывали? — спросила она.

— Что положено, сделал. Что видел, написал. — Он кивнул на бумагу на подоконнике, придавленную пепельницей. — Там всё.

— Маска где? Капитан сказал, при ней.

Зотов посмотрел на белый шкафчик в углу, со стеклянной дверцей, задёрнутой изнутри марлей, и сразу отвёл глаза. Он и разговаривал теперь потише.

— Там. Потом.

— Почему потом?

— Потому что я сегодня уже выпил, — сказал Зотов. — А на неё трезвым смотреть надо.

Батарея гудела. Кафель над ней запотел. Вера вернулась к столу и, чтобы не смотреть на улыбку, смотрела на Тонин кулак.

Кулак разжимался.

Медленно, не сразу заметно. Отошли от ладони кончики пальцев, потом показалась щель между указательным и большим. Тело отходило в тепле, как Зотов и хотел. В щели было что-то жёлтое.

— Доктор.

Зотов подошёл и посмотрел. Ничего не сказал. Только поставил мензурку на край стола, очень осторожно, будто она могла разбудить.

— Вы руку смотрели?

— Не разжималась. — Он кашлянул. — Я не стал ломать. Девочка всё-таки.

Вера натянула перчатку, хотя ничего не боялась испачкать, и взяла Тонины пальцы в свои. Они были мокрые, холодные и уже мягкие. Поддались, когда она отогнула их по одному, сначала мизинец.

На ладони лежал сложенный вдвое кусок картона. Жёлтый, с обтрёпанными углами.

Вера знала этот картон. Она полжизни переставляла его по алфавиту.

Сложен он был исписанной стороной внутрь. Нижняя половина отмокла и слиплась с верхней, разворачивать сейчас значило порвать. Отстал только верхний край. Вера отогнула его ногтем, насколько дался, и там было одно слово. Круглым, ещё студенческим почерком, синими чернилами, которые чуть поплыли от сырости:

ВОСЬМОЙ

Зотов отступил на шаг. Потом ещё на один, пока не упёрся спиной в кафель.

— Уберите, — сказал он тихо. — Следователь. Уберите это.

Вера не убрала. Она стояла с карточкой на ладони и смотрела на мамину букву «Й», на её хвостик, который мама всегда закручивала вверх, хотя в школе так не учили. Тоня взяла

её весной из коробки, вместе с остальными. «Я верну». Привезла сюда, в Новь, по маминой дороге. И держала в кулаке, когда плясала.

Потом Вера достала из кармана чистый носовой платок, положила карточку на него, не разгибая, и завернула конвертом. Посушить. Потом.

Зотов налил себе, промахнулся, налил на стол. Вытер рукавом.

Тоня улыбалась под лампой. Одну карточку она всё-таки вернула.

* * *

— Ну что, посмотрели? — спросил Бугров, когда она села в машину.

— Посмотрела.

Он подождал, не скажет ли она ещё чего, не дождался и тронул с места. Платок с карточкой лежал во внутреннем кармане, и Вера всю дорогу держала на нём ладонь.

Клуб «Горняк» стоял посреди посёлка, лицом к главной улице: колонны, высокие окна, над входом гипсовый шахтёр с отбойным молотком на плече, побелённый к празднику. Ёлка горела. На дверях висела афиша, написанная от руки гуашью: *«Святочный вечер. Танцы. Баян — Т. Кулагин»*, и снизу кто-то пририсовал красным карандашом козу с колокольчиком.

Бугров проехал мимо входа и свернул в проулок.

— С заднего двора, — сказал он. — Там у них дверь в котельную и запасной. Она там вышла.

Задний двор оказался просто куском снега между стеной клуба и низким штакетником, за которым начиналась темнота. Над задним крыльцом горела лампочка в железной сетке. Дальше двор уходил в синее.

От проулка к стене вела тропа. Широкая, натоптанная валенками, с двумя ровными бороздами посередине — тащили санки.

— Это наши, — сказал Бугров. — Утром, когда нашли. Вон там она сидела, у стенки, под окном. А скамейка — вон.

Скамейка стояла у крыльца, обычная, из досок. Снег с неё смели. Вера посмотрела на неё и подумала про носки, свёрнутые в валенках.

— Снег с седьмого не шёл?

— У нас не метёт, — сказал Бугров. — Метель — она до нас. По дороге. А тут тихо.

Тихо было по-настоящему. Ни ветра, ни скрипа. Где-то в клубе за стеной играл баян, одну и ту же плясовую, обрывал на середине и начинал заново.

Вера сошла с тропы.

— Вера Сергеевна, — сказал Бугров.

Она обернулась. Он стоял на краю натоптанного, в своих белых валенках, и дальше не шёл.

— Что?

— Ничего. — Он улыбнулся в усы. — За клуб у нас в святки не ходят. Примета такая. Бабки придумали. Вы ходите, вам можно, вы по делу.

— А вам нельзя?

— А мне незачем. Я тут всё видел.

Он достал из кармана фонарик и посветил ей под ноги, оставаясь на месте.

Следы начинались от скамейки.

У самой скамейки ничего было не разобрать: тут топтались, когда забирали одежду. А с края затоптанного — в снегу. Маленькая босая нога, пальцы видны, все пять, пятка глубже. Тридцать шестой, не больше. Вера поставила рядом свой сапог, и сапог вышел вдвое шире.

Следы шли не к стене, где Тоню нашли. Следы шли от крыльца вбок, на чистый снег, и там начинали кружить.

Вера шла рядом с ними, ступая в стороне, чтобы не затоптать, и Бугров вёл за ней луч фонаря, как указку.

Шаг. Шаг. Приставной. Тут она повернулась на пятке, снег в этом месте был размётан веером. Тут подпрыгнула, оба следа рядом, глубоко, носками. Тут, кажется, чуть не упала: одна нога съехала, и рядом отпечатался кулак. Правый. Вера постояла над этой ямкой в снегу.

Потом следы пошли по кругу.

Круг был широкий, во весь двор. Тоня шла по нему боком, приставным шагом, лицом внутрь. Так ходят в хороводе. Или когда держишь кого-то за обе руки и кружишься с ним, откинувшись назад, а тот, второй, кружится напротив, и вам обоим смешно и немного страшно, что разожмёте руки и полетите.

Вера дошла до конца круга и вернулась к началу. Потом прошла ещё раз, медленнее.

Внутри круга был снег.

Ровный, нетронутый, с тонкой коркой наста, которая блестела под фонарём. Ни одного отпечатка: ни валенка, ни сапога, ни собачьей лапы. Как скатерть.

— Капитан, — позвала Вера, не оборачиваясь. — Она с кем-то плясала?

— Плясала, — охотно отозвался Бугров с тропы. — В клубе плясала. С ряженными, с ребятами, со всеми. Весь клуб видел. Весёлая была девочка, всех перетанцевала. Тимоха под неё три раза «Барыню» заводил, у него пальцы потом болели.

— А здесь?

— А здесь она одна вышла. Продышаться.

— Одна.

— Одна, одна. Кто ж за ней пойдёт в святки за клуб. Сами видите.

Вера видела. Это и было плохо.

Последний след круга сходил с него и шёл к стене. Шаги делались короче, неровнее, их тянуло влево. У стены, под тёмным окном, снег был примят широко и глубоко: тут она сидела. Дальше — только тропа, валенки, санки.

Вера подняла голову. Окно над этим местом было тёмное, единственное тёмное во всей стене. Изнутри к стеклу была прислонена фанера, и в щели между фанерой и рамой торчал клок чего-то лохматого, бурого.

— Что там?

— Где? — Бугров посветил вверх, луч упёрся в фанеру. — А. Каморка. Ряженые там одеваются. Тулупы держат, личины. Чтоб не видно было, кто в чём.

— Она сидела прямо под ней.

— Ну, под ней. Стенка тёплая, там печка с той стороны. Куда ж ей ещё было сесть.

Это было похоже на правду. Замерзающий ищет стенку, сказал Зотов, угол, под лавку. Тоня нашла самую тёплую.

Вера отошла к штакетнику и встала там, чтобы видеть весь двор сразу. Скамейка. Круг. Пустое в середине круга. Неровная цепочка к стене.

Схемы в серой папке не было. Котов не нарисовал, потому что «что там рисовать».

Вера достала блокнот и нарисовала сама. Квадрат — клуб. Палочка — крыльцо. Скамейка. Круг. Крестик у стены. Пальцы не мёрзли, ручка писала ровно, и Вера отметила это краем головы и забыла. Под схемой она написала:

Следы только её. Босиком от скамьи. Круг, приставным, лицом внутрь. В центре чисто.

Подумала и ниже:

Плясала одна?

И ещё ниже, быстрее, чем успела решить, надо ли:

Или с тем, кто не оставляет следов.

Она посмотрела на эту строчку. Потом зачеркнула. Аккуратно, одной линией, как зачёркивают в протоколе, чтобы было видно, что зачёркнуто, — и дальше, уже не аккуратно, ещё раз и ещё, пока бумага не прорвалась и ручка не ушла в картонную обложку.

Хоровод можно водить одной. Девочки в лагере кружатся одни, раскинув руки, пока не упадут. Тоня выпила или не выпила, вышла распаренная, ей стало жарко, она сняла валенки. Ей было весело. Она кружилась. Парадоксальное раздевание, можно записать.

Вера закрыла блокнот.

— Всё посмотрели? — спросил Бугров, когда она вернулась на тропу. Он погасил фонарик и спрятал в карман. — Вы снег-то с сапог стряхните, в машине натает. Шура там, небось, уже щи греет, она мне с утра говорила: приведи.

— Кто играет? — спросила Вера.

Баян за стеной опять начал плясовую, ту же самую, с начала.

— Тимоха. Кулагин, баянист наш. Репетирует. — Бугров постучал валенком о валенок. — Вечером гулянье, весь посёлок будет. Там у всех и спросите, кто с кем плясал. Только он к вечеру будет уже хороший, вы его особо не слушайте.

Вера оглянулась на двор. Лампочка над крыльцом горела в своей сетке. Отсюда, с тропы, круга было почти не видно, только тень от его края. А середину не было видно совсем.

Она стряхнула снег с сапог, сначала с одного, потом с другого, и пошла к машине.

СПРАВКА

Из заключения врача. Черновик «ПЕРЕОХЛАЖДЕНИЕ».

Новь, поселковая больница, 7 января 1987 г. Писал врач Зотов, карандашом, на обороте старого бланка.

«Лузгина А., приезжая, двадцати двух лет. Доставлена утром с заднего двора клуба „Горняк“. Смерть наступила ночью, с шестого на седьмое.

Со слов сторожа клуба: вечером плясала в зале, была весела, вышла одна. Спиртного, со слов, не пила.

Найдена сидя, спиной к стене. На лице маска из бересты. Одета в платье. Пальто, кофта, платок и валенки сняты самой умершей и сложены на скамье. Ступни и кисти поморожены. Повреждений и следов борьбы нет.

Лицо спокойное. ~~Улыбается.~~

Правая кисть сжата в кулак.

Причина смерти — общее переохлаждение организма. Несчастный случай.

Подпись: Зотов».

Примеч.: слово зачёркнуто одной чертой, без нажима, так, что читается. Остальные строки не исправлены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.